

Киекбаев Мурат Джелилович

Академия наук Республики Башкортостан
Россия. Уфа

Абдрахманов Данияр Мавляирович

Институт гуманитарных исследований Республики Башкортостан
Россия. Уфа

Проблемы противодействия деструктивным факторам в современной России*

Современное общество в условиях глобализации экономики и культуры подвержено воздействию множества деструктивных факторов. Противодействие этим факторам деструкции становится важной задачей и условием выживания всей социальной системы. В статье проанализированы социокультурные изменения и дан прогноз развития ситуации на среднесрочную перспективу, намечены способы преодоления имеющихся проблем, в частности, отмечается, что, только имея высшие идеальные цели, можно сплотить общество, обеспечить ему не просто выживание, но процветание и лидерство. Особенность современной глобальной социокультурной ситуации заключается в том, что новая культура и стратегия консолидированного устойчивого развития и перманентной модернизации пробивают себе дорогу к жизни одновременно параллельными курсами.

Ключевые слова и словосочетания: деструктивные факторы, трансформации, кризисы, механизмы противодействия.

В период бурных трансформаций в социально-экономической и политической сферах крайне актуализируется вопрос разработки механизмов противодействия деструктивным факторам модернизационного развития; рост социальной энтропии нуждается в определении масштабов и разработке действенных технологий упорядочения нелинейных, порой хаотических процессов. К некоторым деструктивным факторам в современном обществе можно отнести возрастание активности экстремистских социальных и религиозных течений, снижение уровня этнической толерантности, рост употребления психоактивных веществ, суицидов, сложнопрогнозируемое влия-

* Исследование выполнено в рамках ГНТП РБ «Механизмы противодействия деструктивным факторам в трансформирующемся обществе».

ние внешней миграции и пр. В последнее время популярным стало определение современности как турбулентного времени, времени, когда распространяются угрозы «организованной безответственности» [1. С. 6-13]. Дж. Урри рассуждает о посткарбонном обществе, говоря, что интенции всего человечества сейчас определяются потребительским отношением к ресурсам и, соответственно, всему прочему [2]. У. Бек отмечает, что «не имеет значения, живем ли мы в мире, который «объективно» более безопасен, чем тот, который был ранее – инсценирование ожидания бедствий и катастроф обязывает нас принять превентивное действие» [3. Р. 11]. Возникает качественно новая стадия индивидуализации. «Ни наука, ни господствующая политика, ни масс-медиа, ни бизнес, ни правовая система, ни даже военная сила не в состоянии определить и контролировать риски рациональным образом. Индивид вынужден не доверять обещаниям рациональности этих институтов. В силу этого люди отброшены в положение, в котором они вынуждены полагаться только на самих себя: высвобождение без укорененности есть иронично-трагическая формула для определения размеров индивидуализации в мировом обществе риска» [3. С. 54].

В ряде изданий определяются факторы, угрожающие социальной сплоченности [4. С. 3-5]:

- сохраняющееся социальное неравенство,
- миграция,
- политические и экономические преобразования,
- появление культуры, характеризуемой невоздержанностью,
- рост индивидуализма и потребительства,
- изменение традиционных ценностей,
- общество, переживающее или недавно пережившее конфликт,
- стремительная урбанизация,
- утрата уважения к закону.

Можно также выделить следующие факторы ментальной экологии современного общества:

1. Уплотнение информационной среды – каждые 18 месяцев объем информации удваивается.
2. Нарастание некомпетентности населения в условиях информационного взрыва.
3. Глобализация идеологической агрессии и геополитического противостояния.
4. Поточно-конвейерное производство массовой культуры и культурная дезориентация.
5. Рост маргинальности, утрата социальных связей и отчуждение.

6. Высокие темпы роста криминальной субкультуры, увеличение объема психического насилия как средства совершения преступлений.

7. Психологическая неграмотность населения как предпосылка любых манипуляций.

8. Доступность психотехнологий и широкое бизнес-консультирование.

9. Истеродемонический ренессанс, проявляющийся индустриализацией деятельности разнообразных медиумов и экстрасенсов.

10. Отсутствие эффективных и доступных институтов психогигиены и психопрофилактики.

Все это нередко приводит к образованию духовного вакуума, который заполняется «хаосом новой духовности» [5. С. 535].

Далее рассмотрим деструктивные факторы, имеющиеся в современном российском обществе. Вывоз триллиона долларов капитала, эмиграция нескольких миллионов квалифицированных кадров за рубеж свидетельствуют о неспособности созданной реформаторами системы управления экономикой страны реализовать имеющиеся возможности экономического роста. Ежегодно естественная убыль населения России составляет 520-550 тыс. человек. 24 сентября 2012 г. В. Путин в своём докладе на съезде партии «Единая Россия» говорил уже об 1 млн человек. Исследования демографов показывают, что более двух третей всех причин нынешней депопуляции россиян связаны с резким ухудшением здоровья нации, снижением качества медицинского обслуживания, возвращением давно забытых болезней.

Безрадостны результаты реформ в духовной и нравственно-психологической сфере общества. 1990-е гг. деформировали базовую ценностную модель россиян. Начавшийся тогда процесс духовной деградации общества вызывает растущую тревогу среди российской культурной элиты. Криминальная приватизация подняла мощный вал преступности.

В начале 2000-х гг. произошла атомизация общества, утрата населением традиционных форм солидарности, коллективизма [6. С. 38].

Пореформенная Россия – это не только резкое неравенство доходов, но и неравенство возможностей. То, что выходцам из бедных семей трудно пробиться наверх, недавно признал и В.В.Путин, сделав «создание социальных лифтов» одной из ключевых задач вновь учреждаемого Агентства стратегических инициатив.

По данным Росстата, численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2010 г. составила 18,6 млн чел., или 13,2% от общей численности населения. Бедных в нынешней России значительно больше, чем утверждает официальная статистика. Объём потребления мяса, рыбы, овощей и фруктов отстаёт не только от норм, принятых в развитых странах, но и от норм бывшего СССР. Официальные наборы норм продо-

вольственных и недовольственных товаров, включённые в прожиточный минимум, отражают пожелания экспертов, а не реальные особенности потребления населения [6. С. 41].

В 2009 г. в рамках международного мониторинга «PISA» проводилось очередное тестирование школьников по выявлению уровня грамотности. Россия оказалась на 43 месте из 64 стран мира. Одаренных детей у нас выявлено на треть меньше, чем в других странах, а крайне ограниченных – на треть больше [7]. Указанные неблагоприятные тенденции в развитии образования будут проявляться и в последующие годы, поскольку его финансированию в стране не уделяется должного внимания. Если в США доля расходов на образование составляет 13,7% к валовому внутреннему продукту (ВВП), в Японии – 11,7%, Великобритании – 11,4%, то в России – лишь 3,5%. Финансирование образования сегодня составляет три четверти затрат от уровня 1991 г. [8. С. 113]. Традиционные (индустриальные) институты высшего образования уже не в состоянии выступать основным агентом формирования новой транслокальной идентичности. Они тщетно поддерживают и пытаются максимально усилить национальную и социокультурную принадлежность индивидов, надеясь таким образом зафиксировать, «зацементировать» ускользающую национальную идентичность. И добиваются тем самым противоположного эффекта, порождая этноконфессиональные риски, поскольку носители новой транснациональной идентичности уже априори оказываются вне зоны действия традиционных образовательных институтов, а носители традиционной идентичности и морали, активно «подогретье» во мнении об уникальности своей культуры/религии/государства, нередко воображаемой, становятся чересчур активными защитниками собственной идентичности, выходя на тропу экстремизма и терроризма [9. С. 42].

Остро стоят также вопросы общественного здоровья, алкоголизма, наркомании [10, 11], самосохранительного поведения. Помимо собственно медицинских аспектов, «курение и пьянство есть мощные средства десубъективации субъектов, мощнейшие антимодернизационные средства (один литр выпиваемого спирта на душу населения в стране приводит к падению производительности труда на 1%. У нас сейчас потребление спиртного составляет 18 литров чистого алкоголя на человека в год)» [12. С. 296].

Вместе с тем ощутимый удар по доверию граждан к власти и проводимым ею реформам нанесла, в частности, так называемая монетизация льгот. Только частично удалось достичь цели административной реформы – поставить под контроль общества и государства формирование властных органов в регионах. Введение медицинского страхования и монетизации услуг здравоохранения привели к тому, что сложные и дорогие методы и приемы лечения стали недоступны для широких слоев населения.

Сложные, неоднозначные процессы происходят в сельском хозяйстве. Несмотря на предпринимаемые усилия и отдельные позитивные достижения, они проявляются в постоянном росте цен на продукты питания и пока еще не ослабевающей зависимости от поставок многих видов продовольствия из-за границы.

Не завершена, застопорилась реформа ЖКХ. Оказались оторванными от жизненных реалий законы нового жилищного кодекса. На рынке жилья так и не заработала в доступном для большей части граждан режиме ипотека. Спекулятивно вверх взметнулись цены на жилье в столице и крупных городах, лишая социальной перспективы многие слои населения, в первую очередь молодежь.

В последнее время обострились процессы «политизации религии» и «религизации политики». Процесс религизации политики, по словам З. Баумана, «еще более опасен и часто по своим последствиям сопровождается гораздо большим кровопролитием».

В религиозном пространстве России имеет место фундаментализм. Характеризуя логику развития исламского фундаментализма в России, Е.М. Дринова выделяет следующие его специфические черты: 1) внедрение в традиционное исламское сознание идей ваххабизма; 2) декларирование восстановления «чистого» ислама, не испорченного цивилизацией; 3) утверждение доктрины джихада; 4) стремление к созданию во всех северокавказских республиках ваххабитских общин, функционирование которых предполагает существование исламских социально-правовых институтов, таких, как школы при мечетях и шариатский суд для воспитания новых поколений; 5) склонность к сакрализации политического конфликта, основу которой составляет идея иррациональности религиозного насилия; 6) религиозно мотивированное насилие и оправдание террористических актов в отношении мирных граждан России.

Особенность православного фундаментализма в России проявляется в том, что православие стремится к активной политической деятельности. В церковных кругах существует тенденция и крепнет убежденность в необходимости примата религии над политикой как во внутренней, так и во внешней политике государства. В самом государстве также наметилась тенденция по христианизации политики, которая заключается в утверждении моральных и религиозных ценностей как абсолютных норм в обществе; отмечается активное внедрение системы религиозных православных ценностей в систему светских и политических институтов в стране. Совсем недавно судебный процесс над группой «Pussy Riot», а также последовавшие за ним события и процессы показали всю глубину имеющихся в обществе противоречий.

Обозначенный выше комплекс идей фундаментализма позволяет говорить о параллельном формировании в России политического православного и исламского фундаментализма, существенное различие между которыми заключается в том, что первый для достижения целей использует исключительно мирные формы, а второй практикует ультрарадикальные формы [13. С. 39].

Ведущий отечественный социолог Ж.Т. Тощенко считает данную проблему крайне важной. «С недавних пор российское общество испытывает давление иерархов православной церкви по поводу необходимости изучения всеми школьниками «Основ православной культуры» как якобы единственного средства налаживания нравственности в стране. Если бы это было так! Введение такого курса (наравне с исламом, буддизмом и иудаизмом) приведет к еще одному расколу общества – по религиозному признаку. Появится еще более дестабилизирующий фактор, чем раскол на бедных и богатых, титульные и нетитульные народы, на знатных и простых» [14. С. 5].

Экстремизм в условиях глобализации и информатизации социума изменяет формы своего проявления, все чаще принимая виртуальный характер, зарождаюсь и развиваясь в глобальной компьютерной сети, трансформируется в явления объективной реальности посредством социально-групповой самоорганизации молодежи. Возникающий тип коммуникации «виртуальная реальность – объективная реальность» позволяет молодежному экстремизму, первоначально развиваясь в Интернете, на последующих стадиях выходить за пределы виртуальной реальности и превращаться в различные формы соответствующего девиантного поведения молодежи (в политической, религиозной, информационной и других сферах). При этом как виртуальные, так и реальные молодежные группы посредством групповой коммуникации интенсифицируют процесс генезиса и развития молодежного экстремизма [15].

И во многом как результат перечисленного – желание наиболее активной и инновационной части населения к иммиграции. По данным всероссийского опроса, проведенного Левада-Центром в мае 2011 г., на вопрос: «Хотели бы вы уехать за границу на постоянное жительство?» утвердительный ответ дали 33% специалистов, 53% предпринимателей и 54% учащихся и студентов.

В свете сказанного важно понимать, что многие кризисы являются управляемыми и могут инициироваться как инструмент холодной (в т.ч. информационной) войны. Анализ данных процессов позволяет вскрыть [16] механизм целенаправленной организации мировых финансовых кризисов и мирового финансового паразитирования США и западного альянса.

Академик РАН С.Ю. Глазьев отмечает, что «переходу на инновационный путь развития препятствуют непреодолимые административные барьеры,

образовавшиеся на пути распространения новых технологий, основанные на непрофессиональном применении и произвольном толковании норм технического и налогового регулирования, экспортного и таможенного контроля.

Нетрудно заметить, что выстроенная в России система управления не соответствует современным требованиям. Ее коренной порок, несовместимый с культурой инновационного управления, – кланово-корпоративный принцип кадровой политики на всех уровнях властной иерархии. Назначенные по принципу личной преданности и защищенные круговой порукой чиновники ориентируются на соблюдение субординации, сохранение статуса-кво и минимизацию карьерных рисков. Они не склонны брать на себя ответственность за принятие решений, не мотивированы на решение сложных задач восстановления и развития экономики. А задачи эти весьма масштабны, требуют высокой квалификации, обширных знаний и недюжинных организационных способностей. Среди них: модернизация и опережающее развитие российской экономики на основе нового технологического уклада; переход к обществу знаний; восстановление единого экономического пространства СНГ и подъем конкурентоспособности отечественных предприятий до уровня мировых образцов; создание привлекательного образа России как ведущей мировой державы со своим проектом нового мирового порядка. Опыт последних лет заставляет усомниться в способности нынешней правящей элиты не только к их решению, но и к правильной постановке» [17. С. 7-8].

В то же время продвижение к устойчивому развитию в глобальном масштабе возможно и исторически необходимо, поскольку оно отвечает объективным диалектическим тенденциям развития современного человеческого общества. Кратко их можно представить так:

1) человечество ускоряет движение по пути научно-технического прогресса, но одновременно возрастают и порождаемые им глобальные опасности и угрозы;

2) мировое сообщество в условиях «ядерного пата» объективно имеет возможности мирного, демократического развития, но наряду с постоянно вспыхивающими локальными военными конфликтами угроза «ядерного апокалипсиса» остается реальной;

3) региональные экономические, социальные, экологические и локальные военные и другие проблемы на планете требуют глобального их решения в основном мирными методами в рамках существующих институтов мирового сообщества, а не вооруженными силами «полюсов мира»;

4) общественные отношения во все большей степени социализируются (в смысле учета и удовлетворения интересов большинства населения на планете) и гуманизируются;

5) идет объективный процесс сближения стран, блоков, систем в различных областях деятельности; одновременно возрастает и обостряется борьба за материальные и информационные ресурсы и рынки;

6) стихийные, рыночные отношения в экономике и социальной сфере постепенно вытесняются все более сознательным регулированием и планированием – в масштабах отдельных стран, транснациональных корпораций, региональных сообществ (ЕС, НАФТА и т.д.) [18. С. 5].

В целом Россия пока располагает достаточными резервами и не встроена в глобальные финансовые пирамиды. Это позволяет перекрыть каналы отравления собственной финансовой системы спекулятивными инструментами, переориентировав их на внутренние источники кредита и направив на поддержку инновационной и инвестиционной активности в перспективных направлениях развития российской экономики. Наличие природно-сырьевого и оборонного потенциала дает нам объективные возможности для проведения самостоятельной политики, даже при катастрофическом сценарии глобального кризиса Россия имеет необходимые ресурсы не только для самостоятельного выживания, но и для опережающего развития [17. С. 40]. Согласно закону иерархических компенсаций (закон Седова), сохраняющий сценарий XXI в. связан, вероятно, с унификацией макрогрупповых культур, т.е. с отмиранием наций, государств, религий, социальных сословий (классов), по крайней мере в их «классическом виде». Компенсацией должен стать рост разнообразия микрогрупповых культур, формирующихся вне зависимости от географических, политических, языковых и прочих барьеров [19. С. 239].

Примером парадоксального синтеза может быть соединение самого космополитизма с национальным, что предполагает переоткрытие и переопределение национального. Под влиянием интернализированной глобализации «национальное более не остается национальным. Оно должно быть переоткрыто как глобальное интернализированное» [20. Р. 88]. То, что национальное необходимо переоткрывать и переинтерпретировать, бесспорно. Но, думается, пока рано растворять национальное в «глобальном интернализированном». Полагаем, что, используя методологию текучести современности З. Баумана [21. С. 25], можно подумать об обосновании концепта текучего национального и, соответственно, текучей нации, отражающей реальности мобильностей национальных потоков, формирования национальных сетей диаспор, институционализации двойного гражданства и билингвизма, возникновения парадоксального этноса, особенно в плане космополитизации и рефлексивности общественного сознания и ментальности, которая хотя и ригидна, но все же изменяется.

Осуществляется соединение космополитизма с национализмом, что У. Бек определяет понятием «неонационализм». Появились «граждане мира», «глобальные менеджеры», путешествующие по свету, толерантно относящиеся к разным культурам, которые функциональны для их деятельности.

Тем не менее, на уровне бессознательного «граждане-космополиты» выступают против потоков мигрантов в «свою» страну (по рождению или более частому проживанию) [22. С. 22].

В.М. Смокотин считает, что решение проблемы противоречия между необходимостью языка всемирного общения и сохранением этнокультурной идентичности видится в создании множественных индивидуальных идентичностей на основе воспитания многоязычной, поликультурной личности эпохи глобализации посредством целенаправленной языковой политики. Многоязычие является следствием сохранения этнокультурной идентичности, так как полагает возможность и необходимость множественных идентичностей. Массовое индивидуальное многоязычие недостаточно для решения проблемы преодоления языковых и культурных барьеров. В эпоху глобализации необходимо включение языка всемирной коммуникации – языка всемирного общения – в индивидуальный языковой репертуар [23. С. 13].

Говоря о внутрироссийских реалиях, отметим, что распад СССР помимо новых представлений о месте России в мире дал толчок к формированию новой российской идентичности. К 2011 г. российская идентичность стала не только самой распространённой (её отметили 95% опрошенных) среди наиболее значимых идентичностей, ощущение связи с ней стало наиболее сильным, оно выросло вдвое. При этом 90% населения по-прежнему сохраняет идентичность по национальности и по месту жительства. Однако сильную связь по национальному и локальному признаку чувствуют 50 - 60%, а с российскими гражданами – 72%. При таких высоких показателях распространённости и российской, и этнической идентичности теряет остроту вопрос их конкурентности и подтверждается их совместимость [24. С. 9].

Как писал в свое время А. Турен, «призыв к идентичности означает призыв к несоциальному определению социального действующего лица. Для него действующее лицо определено своими социальными отношениями. Таково определение роли, которое может одинаково хорошо применяться как к классовым, так и к межличностным отношениям. Значит, призыв к идентичности представляет собой, прежде всего отказ от социальных ролей или, точнее, отказ от социального определения ролей, которые должно играть действующее лицо» [25. С. 96-97]. Культура господства человека над природой и гонка за массовым потреблением исчерпали себя. Для того чтобы жить в этом обществе, потребуются новые институты и инструменты управления. Ясно, что пропуск в будущее получат те сообщества и государства, которые выстроят свои стратегии не на господстве и насилии, абсолютизации экономических, социальных или гуманитарных принципов, а на принципах устойчивого развития жизни, сохранения биологического и социокультурного разнообразия, самоподдержания источников и энергии жизни. Особенность современной глобальной социокультурной ситуации заключается в том, что новая культура и стратегия консолидированного устойчивого развития и перманентной модернизации

пробивают себе дорогу к жизни одновременно параллельными курсами. На этом пути возможны повороты и откаты назад, но курс развития неизменен. Он определяется потребностями объективно происходящих процессов в отношениях между человеком, обществом и природой [18. С. 13].

Как нам кажется, важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Принципиально важным в настоящее время, считает Т.А. Хагуров, «для любой социальной системы является «воспроизводство Смысла». Общество должно обеспечить своим членам достаточную смысловую нагрузку – некий «пантеон идеалов», организующий социально одобряемые цели и практики» [26. С. 41]. Только имея высшие идеальные цели, можно сплотить общество, обеспечив ему не просто выживание, но и процветание и лидерство в новом меняющемся мире [12, 27].

1. Кравченко, С.А. К итогам X конференции ЕСА / С.А. Кравченко // Социологические исследования. – 2012. - №3. - С. 6-13.
2. Urry, J. Climate change and society / J. Urry. - Cambridge: Polity Press, 2011.
3. Beck, U. World at Risk / U. Beck. - Cambridge: Polity Press, 2010. - P. 11.
4. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2011 г. [Электронный ресурс] / Организация Объединенных Наций. - Нью-Йорк, 2012. Режим доступа: www.incb.org.
5. Сидоров, П.И. Наркологическая превентология / П.И. Сидоров. – М.: МЕДпресс-информ, 2006.
6. Симонян, Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества (к 20-летию экономических реформ) / Р.Х. Симонян // Социологические исследования. – 2012. - №1.
7. Комсомольская правда. - 2010. - 11 января.
8. Дементьева, И.Ф. Факторы риска современного детства / И.Ф. Дементьева // Социологические исследования. – 2011. - №10. –С. 108.
9. Песегова, Е.В. Флексибельная модернизация института высшего образования в современной России: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Е.В. Песегова. – М., 2011.
10. Киекбаев, М.Д. Основные подходы к совершенствованию системного противодействия незаконному обороту и потреблению наркотиков: опыт Башкортостана / М.Д. Киекбаев, Д.М. Абдрахманов // Этносоциум. - 2011. - №1 (33). - С. 122-131.
11. Абдрахманов, Д.М. Семья – основной институт профилактики наркотизма / Д.М. Абдрахманов // Человеческий капитал. – 2011. - №10. – С. 125 -127.
12. Матвейчев, О. Что делать, Россия? Прорывные стратегии Третьего тысячелетия / О. Матвейчев. – М.: Эксмо, 2011.

13. Дринова, Е.М. Религия и политический процесс: религиозно-политическая экспансия и политизация религии в современном мире: автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Е.М. Дринова. – Ростов-н/Д., 2012.
14. Тощенко, Ж.Т. Кентавр-идеи как деформация общественного сознания / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2011. - №12. – С. 3.
15. Кубяк, Е.О. К вопросу определения сущности экстремистских установок молодежи / Е.О. Кубяк // Власть. - 2010. - №9. – С. 56 -59.
16. Политическое измерение мировых финансовых кризисов. Феноменология, теория, устранение. – М.: Научный эксперт, 2012. – 632 с.
17. Государственная политика и управление современной России в сфере экономики: материалы научного семинара. – М.: Научный эксперт, 2012. Вып. 3(50). – 120 с.
18. Левашов, В.К. Мировой экономический кризис и устойчивое развитие / В.К. Левашов // Социологические исследования. – 2011. - № 1.
19. Назаретян, А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (синергетика – психология – прогнозирование) / А.П. Назаретян. – М.: МИР, 2004. – 368 с.
20. Beck, U. Cosmopolitan Version / U. Beck. - Cambridge: Polity Press, 2007.
21. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман. - М.; СПб.: Питер, 2008.
22. Кравченко, С.А. У. Бек: Социологическое воображение, адекватное рефлексивному модерну / С.А. Кравченко // Социологические исследования. – 2011. -№8. – С. 17.
23. Смокотин, В.М. Язык всемирного общения и этнокультурная идентичность: комплементарность в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / В.М. Смокотин. – Томск, 2011.
24. Горшков, М.К. Реформы в зеркале общественного мнения / М.К. Горшков // Социологические исследования. – 2011. - №10. – С. 3.
25. Турен, А. Возвращение человека действующего: очерк социологии / А. Турен. – М.: Научный мир, 1998. – 133 с.
26. Хагуров, Т.А. Кризис идеального как генератор девиаций в российском обществе / Т.А. Хагуров // Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы четвертой ежегодной всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. Т.1.
27. Малинецкий, Г.Г. Чтоб сказку сделать былью... Высокие технологии – путь России в будущее / Г.Г. Малинецкий. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 224 с.